

УДК 329.11, 329.18, 329.17

**ФЕНОМЕН РАДИКАЛЬНОГО КОНСЕРВАТИЗМА
КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ***Е. А. Луков***THE PHENOMENON OF RADICAL CONSERVATISM AS A FACTOR OF POLITICAL ACTIVITY***E. A. Lukov*

В статье рассматривается феномен радикального консерватизма как политическое движение и мобилизационная технология правых тоталитарных режимов Западной Европы первой половины двадцатого века. Дается определение и характеристика конкретной радикально-консервативной практики, с помощью которой формировались праворадикальные движения в Италии, Германии и Франции.

The article discusses about the phenomenon of radical conservatism as a political movement and Mobilization technology right totalitarian regimes in Western Europe at the first half of the twentieth century. It gives the definition and characteristic of a specific, radical-conservative practices, through which were formed right-wing movements in Italy, Germany and France.

Ключевые слова: радикальный консерватизм, политическая деятельность, трансполитический феномен, интуитивизм, системно-деятельностный подход.

Keywords: radical conservatism, political activity, a phenomenon transpolitichesky, intuitionism, systemically-active approach.

Актуальность данной работы определяется необходимостью обстоятельного политологического осмысления феномена радикального консерватизма как фактора политической деятельности.

Наиболее репрезентативная реализация консервативно-радикальных социально-политических проектов осуществлялась в практике правых тоталитарных режимов в Западной Европе в первой половине XX века. В то же время рост экстремизма, как в мире (феномен “международного терроризма”, современный американский экспансионизм), так и внутри нашей страны, показывает, что в период крупномасштабного социально-политического кризиса и необходимости коренной трансформации политических институтов общества факты радикального консерватизма проявляются вновь и вновь. Таким образом, изучение радикального консерватизма и, в частности, социально-политический анализ особенностей его практики позволяет, во-первых, рассмотреть потенциал его в контексте этнополитической конфликтологии и национально-политических технологий и, во-вторых, выработать осознание мер по предотвращению сползания общества в радикализм и экстремизм.

Конечно, проблема радикального консерватизма весьма значительна. Консервативно-радикальная политика – продукт системных социальных кризисов, реформ и военных конфликтов. Поэтому ее невозможно локализовать региональными рамками. Выбор западно-европейского радикального консерватизма первой половины XX века в качестве объекта нашего исследования обусловлен, во-первых, репрезентативностью его манифестации как в мышлении, так и на практике, а во-вторых, тем, что он оказал существенное воздействие на социально-исторические судьбы как Западной Европы, так и мира в целом. Более того, политические программы консервативных радикалов того времени обладают имманентным свойством оказываться знаменем по-

следующего экстремизма и экспрессивной симпатии к социальной и национальной традиции (например, феномен европейских “новых правых”, отечественные проекты в формате “РНЕ”).

Разумеется, объем проявлений радикального консерватизма, особенно в сфере практики, превышает возможности данной работы, поэтому автор останавливается на рассмотрении проблематики этнополитических конфликтных программ и политических технологий, присущих радикально-консервативным идеологиям того времени. По сути, они выступают как основное содержание или “органон” консервативно-радикальной политической деятельности. Существенным обстоятельством для работы является понятие “радикальный консерватизм”, которое, во-первых, позволяет дифференцированно отнести к феномену тоталитаризма и избежать формального тождества радикальных фактов в различных политических системах. А во-вторых, предоставляет возможность более четко провести разницу между германским, итальянским и другими западно-европейскими радикально-консервативными политическими опытами.

Разработанность темы в научной литературе.

Проблема исследования широко отражена в научной литературе. Автор диссертации здесь останавливается на перечислении тех ученых, работы которых оказали непосредственное влияние на формирование его научной концепции и на содержание диссертационного исследования.

Группу наиболее значимых социально-философских исследований образуют работы Августина, Фомы Аквинского, Аристотеля, Э. Берка, Г. Гегеля, Г. Гроция, Г. Зиммеля, И. Канта, Н. Макиавелли, К. Маркса, Дж. Ст. Милля, Ш. Монтескье, Платона, Ж.-Ж. Руссо, Г. Спенсера, А. Токвиля, Г. Фихте, М. Хайдеггера, Цицерона, Ф. Энгельса и др.

Заметную роль в формировании позиций автора исследования сыграли произведения российских философов, политологов, социологов и историков Н. А. Бердяева, Л. Н. Гумилева, И. А. Ильина, М. М. Ковалевского, В. И. Красикова, В. И. Ленина, Н. О. Лосского, А. А. Овчарова, И. Л. Солоневича, С. Л. Франка, В. П. Щенникова и др.

Политологические аспекты анализа общих проблем социально-теоретического познания мы находим в исследованиях таких отечественных авторов, как В. С. Барулина, А. С. Богомолова, И. А. Гобозова, Н. С. Некрасова, Л. В. Николаевой, Л. Н. Самойлова, Ю. Н. Семенова, Л. В. Скворцова и др.

Среди современных авторов следует отметить работы специалистов по методологии системного анализа В. Л. Алтухова, В. Г. Афанасьева, И. В. Блауберга, Э. Г. Винограя, М. С. Кагана, В. П. Кузьмина, В. Н. Садовского, А. И. Умова, В. П. Фофанова, Э. Г. Юдина и др., определивших методологическую базу исследования.

К группе исследований по методологии политических наук следует отнести работы Г. Алмонда, Ж. Бюрдо, М. Вебера, В. Г. Гречихина, К. Дейча, М. Дюверже, В. В. Желтова, Д. Истона, О. Конта, Т. Парсонса, К. Поппера, П. А. Цыганкова, Р. Шварценберга, В. А. Ядова и др.

Режимы функционирования политической системы и проблемы его регулирования рассматриваются в трудах Р. Арона, Д. Белла, П. Будона, И. Валлерстайна, М. Вебера, Э. Геллнера, Р. Дж. Коллингвуда, Ю. А. Красина, К. Манхейма, Р. Мертона, А. С. Панарина, К. Поппера, Д. Роулза, П. А. Сорокина, Э. Фромма, Ю. Хабермаса, С. Хантингтона и др.

Теоретико-методологические вопросы и эвристический дискурс консервативного политического анализа были даны Аристотелем, Э. Берком, Л. де Бональдом, Г. Гегелем, Т. Карлейлем, Дионом Кассием, Ж. де Местром, Платоном, М. Н. Тихомировым, Г. Фихте, Цицероном и др.

Корпус работ в области национальной политической мысли составляют идеи М. Барреса, Р. Генона, Ж. Гобино, К. Лефора, Ф. Листа, Г. Ж. Мишле, Ш. Пеги, Ф. Ратцеля и др.

Группу работ, изучающих феномен утопизма, его влияние на развитие общественного сознания и социально-политических механизмов образуют исследования таких авторов, как Э. Я. Баталов, Э. Блох, Р. А. Гальцева, М. Дж. Ласки, Г. В. Флоровский, Е. Л. Черткова, Э. Шацкий и др.

Как известно, объектом научного познания феномен западно-европейского радикального консерватизма становится еще в период образования и развития тоталитарных государств в 20-е – 30-е годы XX столетия. В это время его оценки имеют, как правило, либо апологетический, либо критический и даже инвективный, характер.

Так, апологеты усматривают в нем величайшую историческую и социальную справедливость, воплощение ницшеанского идеала о “воли к власти”, свидетельством чему являются “Доктрина фашизма” Б. Муссолини, работы Д. Джентиле, взгляды А. Гит-

лера, А. Розенберга и др. Среди критических оценок, безусловно, на первом месте находятся классическое определение фашизма XIII Пленумом ИККИ и сближение понятий “социализм” и “фашизм” П. Дрие ла Рошелем [2].

Различные аспекты изучаемого феномена разрабатывали в своих трудах Т. Абель, Дж. Адлер, Х. Арендт, Ф. Бауэл, Р. Бланк, А. Буллок, Дж. Каррочи, Д. Лукач, Т. Манн, Э. Нольте, И. Фест, У. Ширер, Э. Юнгер и др.

Из отечественных специалистов можно выделить Л. С. Белоусова, Ю. В. Галактионова, А. А. Галкина, Ц. Кин, Н. П. Комолова, Ю. П. Лисовского, Б. Г. Лопухова, Ю. Ю. Пленкова, Г. С. Филатова и др. В данных работах достаточно широко представлена фактография радикального консерватизма, особенно исторические, социологические и экономические аспекты его практики. В то же время существенным недостатком отечественных специалистов видится некоторая односторонность в изучении вышеуказанной проблемы: любые выводы делались либо в русле марксистско-ленинской теории развития общества, либо опираются на современную социокультурную мифологию и публицистические идеологемы (антифашистский априоризм, идеи “общечеловеческих ценностей”, “демократии” и т. д.).

Проблема исследования видится в том, что политологический анализ радикального консерватизма как фактора политической деятельности в исторической и философской литературе не рассматривался как политическое движение и мобилизационная технология. Радикальный консерватизм содержит в себе как позитивные, так и негативные черты. Как позитивный фактор политической деятельности он может способствовать выходу конкретной (национальной) политической системы из критической ситуации. В силу этого, мобилизационные аспекты радикального консерватизма заслуживают серьезного политологического анализа. В то же время, радикальный консерватизм располагает негативными признаками в лице обстоятельств потенциального риска. К таковым относятся: гипертрофированный авторитаризм и антидемократизм, применение этнополитических конфликтных программ (разжигание межэтнической и расовой розни) и активные, наступательные внешнеполитические технологии (политика военной агрессии, провоцирование международной напряженности).

Основная гипотеза исследования состоит в том, что конкретные национально-государственные образования (страны), равно как и мировая система политических отношений в целом в определенные периоды истории, в силу причин политического, военного, социально-экономического, культурного и иного характера переживает системные кризисы как комплексы крайне сложных политических, социально-экономических, культурных и иных противоречий. Их преодоление может задействовать радикальный консерватизм в качестве политической и, в частности, мобилизационной технологии. Суть ее выражена в политике ускоренной политической ре-

организации и социально-экономической модернизации общества на основе реставрации политических институтов и реализации программ, находящих свое обоснование в традиционалистской идеологии.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. Предложен анализ радикального консерватизма как фактора политической практики западноевропейских политических процессов и технологий первой половины XX века.

2. Данное явление охарактеризовано как трансполитический феномен политической деятельности и исторически политическое движение, стремящееся к тотальной реконструкции общества на основе формальной или косвенной реставрации политической традиции (как правило, в конкретно-национальной форме).

3. Радикальный консерватизм рассмотрен в качестве политической технологии национальной мобилизации общества по преодолению системных социально-политических кризисов.

4. Суть политической технологии выражена в политике ускоренной политической реорганизации и экономической модернизации общества на основе апелляции к политическим институтам и программам, находящим свое обоснование в идеологии традиционализма.

На обсуждение выносятся следующие положения:

– Радикальный консерватизм представляет собой способ политической деятельности, политический курс и политическое движение, возникающее в условиях, когда общество находится в состоянии системного социально-политического кризиса, и его преодоление требует крайних политических средств и технологий.

– Радикальный консерватизм представляет собой революционную политическую силу, реально стремящуюся к тотальному переустройству общества на основе формальной или косвенной реставрации политической традиции (как правило, в конкретно-национальной форме). Так, западноевропейский радикальный консерватизм первой половины XX века оказывается динамически выраженным традиционалистским протестом против либеральной и левой буржуазной модернизации общества.

– Существенной стороной радикального консерватизма является его трансполитичность как феномена политической деятельности, так он является опытом, переводящем теоретико-философские политические программы в конкретные политические программы и технологии. Радикальный консерватизм выступает как технология консервативной революции, стремящейся в форме относительного возврата к традиции осуществить на практике модернизацию буржуазного общества.

– Конкретные радикально-консервативные политики включают в себя технологии мобилизации, с помощью которых формируются праворади-

кальные движения первой половины XX века имевшие место в Италии, Германии и Франции.

Французский радикальный консерватизм отличается отвлеченным, абстрактным характером. Он, по преимуществу, остался в форме политической идеологии.

Во Франции практическое воплощение радикального консерватизма намного уступало теоретическим “разработкам” его идеологов. Методы политической деятельности “Аксьон Франсез”, ее “осторожная” политика в итоге не смогли создать реальных предпосылок для захвата власти в стране, однако теоретическими разработками французских консерваторов воспользовались практически все фашистские движения и режимы в Европе первой четверти XX века. Можно констатировать, что в консервативно-радикальной политике французского движения “Аксьон Франсез”, разработанной Ш. Моррасом, имплицитно содержатся основополагающие принципы радикального консерватизма в целом. Это традиционализм, антифутуризм, культ антилиберализма и проповедь авторитаризма. Консервативно-радикальная политика также претендует на выражение национального самосознания. И поскольку оно апеллирует к этническому субстрату конкретного народа, постольку национализм приобретает расистские черты, он беременен национальной ненавистью.

Гносеологически здесь очевидно соответствие данной политики социальной реальности, ибо она представляет экзистенциальные переживания носителей традиции и формулирует принципы их возможного протеста. С аксиологической же точки, зрения радикальный консерватизм оказывается серьезным социальным недугом, признаком рассогласования социальных интересов и неспособности субъектов, ответственных за состояние общественных дел в целом, то есть демократической власти найти компромисс с частью граждан. Роль Ш. Морраса в разработке идеологической платформы радикального консерватизма неоспорима, однако теоретические изыскания лидера французских праворадикалов намного опережают практические действия “Аксьон Франсез” на политической сцене Франции. Фундаментальность французских теоретических “разработок” в области радикального консерватизма опиралась на старейшую и важнейшую линию европейского антифутуристического и консервативного мышления [1]. Методы политической деятельности “Аксьон Франсез” также имеют исторические корни: феномен буланжизма. Однако причины, по которым радикальный консерватизм не пришел к власти во Франции в первой четверти XX века, как раз и видятся в пассивной социальной агитации широких слоев населения (теория заговора) и в неспособности окончательно порвать с традиционными правобуржуазными партиями. Сказалось также отсутствие харизматического лидера, вождя, способного объединить множество профашистских группировок на французской политической сцене и пойти “до конца”: открыто выйти за рамки легальности и силой захватить власть. Такая “осторожная” политика

в итоге оттолкнула от движения как радикально настроенных элементов (разочарование в вождях, неспособных повести их на баррикады), так и умеренных консерваторов (неумение навести порядок в стране).

Итальянский фашизм занимает своеобразное промежуточное место: это опыт корпоративной практики, реорганизации частнокапиталистического общества с использованием архаико-коллективистских технологий мобилизации масс.

В отличие от Франции, в Италии радикальный консерватизм добился официальной власти. Отметим, что показанная природа итальянской консервативно-радикальной политики имеет утопический характер. Ее действительное кредо: попытка обеспечить порядок в анархическом обществе. По сути, объективная заслуга фашизма перед итальянским народом состоит в том, что он предотвратил социальный хаос и позволил стабилизироваться капитализму в Италии. Стремясь к сохранению традиции, фашистский утопизм, по сути, эту полуфеодальную традицию элиминировал из итальянской практики. Пожалуй, при более благоприятных социально-исторических обстоятельствах, о Б. Муссолини и политике его движения можно было бы сказать то, что говорится в отношении правления Ф. Франко в Испании и А. Пиночета в Чили. А именно, что средства негативны, но результат позитивен. Однако данный парадокс диалектики реальной политики не во многом не произошел в Италии. Причина состоит в экспансионистской стороне радикального консерватизма, в его имманентной склонности к агрессивным войнам. Альянс с сатаной (А. Гитлером и его национал-социализмом) привел итальянский фашизм как трансполитический феномен к редукции из итальянского социального опыта, а само понятие “фашизм” превратил в синоним крайне негативной политики.

Национал-социализм, или гитлеризм, представляет собой наиболее институционализированную практику национальной мобилизации. Радикальные принципы в нем получают наиболее конкретное воплощение. Однако радикально-консервативная практика нацизма терпит крах, так как в силу этнополитической конфликтности и внешнеполитического экспансионизма вступает в непримиримое противоречие как с возможностями собственной нации, так и с интересами других систем политической деятельности.

В германском национал-социализме радикальный консерватизм получил концептуально возможное завершение. Нацистская политика явилась максимально допустимой, с точки зрения эвокации и удержания институтов социальной традиции, программой модернизации буржуазного общества в период системного кризиса. Применительно к западно-европейскому радикальному консерватизму следует отметить, что если в медитациях теоретической трансценденции французов и прожектах “римской” утопии итальянских фашистов превалирует тема национализма, то в германской практике радикального консерватизма происходит практическое функцио-

нальное совпадение консерватизма и футуризма. Национал-социализм не просто продукт синтеза социалистических и консервативных идей; в своей расистской интенции он, по сути, выступает радикально инновационным и имплицитно космополитическим проектом, всячески закамouflированным одеждами германской национальной традиции. Национал-социализм является политикой, противостоящей либеральному и марксистскому футуризму, его представлению об осуществлении универсальной природы человека. Поэтому его практика состоит в том, чтобы обвинять любое мировоззрение в разрушительных тенденциях, так как оно несет в кровное единство расы зародыш разложения, разрушающий его изначальное здоровье. Поэтому западно-европейский радикальный консерватизм – это первый феномен после эпохи идеологической истории, когда частная реальность признает только саму себя. Тем самым ее структуры впервые приходят к самоосознанию. Но сознательным становится лишь то, что уже не является очевидным. Там, где реальность признает саму себя как таковую, она уже ускользает от себя, а потому ведет смертельную борьбу.

В рамках интуитивизма и системно-деятельностного подхода национал-социализм оказывается такой моделью, отображающей динамику германской практики национальной мобилизации в 20 – 40 гг. XX века, который показывает следующие черты данного явления: агрессивность, или ставка на насильственные методы в политике; идеологический суверенитет, или ставка на эвокацию национальной традиции, внутренне противоречивая, вследствие неизбежных радикальных инноваций; корпоративный (групповой) антагонизм, или диссонанс позиций отдельных субъектов-носителей мировоззрения, обусловленный буржуазной природой германского общества. Радикальный консерватизм действительно оказывается практическим и насильственным сопротивлением трансценденции как социальной реальности и выступает важным фактором политической деятельности в Европе первой половины XX века.

Представляется, что тоталитаризм на Западе в первой половине XX века не является эксклюзивным достоянием данного времени. Так, деятельность “новых правых” на современном Западе, распространение исламского фундаментализма, имеющего безусловные черты радикального консерватизма в контексте реалий шариатского общества, показывает, что принцип “консервативной революции” не является презумпцией кабинетных исследований, но оказывается актуальной темой современного политического опыта.

Мы отмечаем, что радикальный консерватизм как фактор политической деятельности представляет интересы тех субъектов политической практики, которые в силу размывания традиционных политических структур лишились их защиты, но при этом оказались в определенный период времени невосприимчивыми к либерально-буржуазным политиче-

ским, социально-экономическим и культурным инновациям.

Следует также выделить функционально-временную типологию консервативно-радикальной политики.

Во-первых, имеется еще не полноценно или тотально проявленная консервативно-радикальная политическая деятельность (негативная консервативная мысль), критически относящаяся к политическим инновациям, разрушающим традицию.

Во-вторых, наличествует негативно-конструктивистская консервативная мысль, предлагающая не только инновационную критику, но и выдвигающая проекты сохранения политической традиции (например деятельность немецких “консервативных революционеров”).

В-третьих, присутствует консервативно-радикальная протестная практика или распространение консерватизма в массах при интенсификации ее политических действий.

И в-четвертых, может иметь место консервативно-радикальная революция как политический переворот, осуществляемый консервативно-радикальными политическими силами (например приход НСДАП к власти в Германии в 1933 году).

Характерной чертой западно-европейского радикального консерватизма первой половины XX века является связь националистических и социалистических мотивов. Претендуя на выражение совокупного общественного интереса, радикальный консерватизм, во-первых, националистичен, ибо заявляет себя в качестве выразителя практики политической системы таксономически меньшего порядка, нежели человеческий род в целом. Таким коллективом является нация. Во-вторых, стремясь к мобилизации политической деятельности нации, радикальный консерватизм стремится к пропаганде принципа “народного сообщества”, к общему делу соотечественников, то есть к социальной мотивации практики. Колебание между этническими и социальными политическими приоритетами образует фундаментальное противоречие консервативно-радикальной социально-политической практики как динамически выраженного традиционалистского протеста против либеральной и левой буржуазной модернизации общества.

Подведем итоги. Представляется, что политическое исследование радикального консерватизма по-

зволит понять его как объективное следствие конкретного развития системного социального кризиса. В период данного кризиса возможны как консервативный, так и футуристический ответы на вызов социально-исторических обстоятельств. “Нацистские, коммунистические и другие разновидности тоталитарной экономики, управления и образа жизни – это дети критических ситуаций – родителей. Это сильные, но опасные “лекарства”, применяемые для противодействия безнадежной “кризисной болезни”. В условиях этой “болезни” они иногда (хотя и не всегда) полезны в преодолении “болезни” и восстановлении нормального “здоровья” больного социального организма. Как только его здоровье улучшается, такое лекарство не только перестает быть необходимым, но даже становится вредным для общества” [3]. Мы показываем, что радикализм тогда выступает лозунгом социальной практики, когда социальная реальность не адекватна жизненным запросам широких слоев общества. Основная ответственность здесь лежит на социальном истеблишменте, на его способности (или неспособности) выработать политику социального примирения и умиротворения.

Мы полагаем, что общество способно избежать ловушки экстремизма при проведении демократической и толерантной социальной политики и при действительном следовании общим гуманитарным ценностям (правам человека, пацифизму и равновесному экономическому развитию, учитывающему, по меньшей мере, элементарные потребности людей). Иначе черные соблазны прошлого вновь могут стать мрачным опытом будущего.

Литература

1. Моррас, Ш. Будущее интеллигенции [Текст] / Ш. Моррас; перевод с фр. А. М. Руткевича. Серия “Идеология”. – М.: Праксис, 2003.
2. Нестеров, А. Г. История итальянской социальной республики / А. Г. Нестеров: автореф. дис... д-ра ист. наук. – Екатеринбург: Издт. Уральского унив., 2004. – С. 3.
3. Сорокин, П. А. Главные тенденции нашего времени / П. А. Сорокин. – М.: Наука, 1997. – С. 126.